

ОСКАР
МИЛОШ

СТИХИ

Перевод с французского
Александра Давыдова

Москва
2024

ОСКАР
МИЛОШ

СТИХИ

Перевод с французского
Александра Давыдова

Москва
2024

УДК
ББК
М

Liberté
Créativité
Diversité

ОСКАР МИЛОШ (1877–1939)

Издание осуществлено в рамках программы содействия издательскому делу «Пушкин» при поддержке Французского института

Cet ouvrage a bénéficié du soutien du programme d'aide à la publication Pouchkine de l'Institut français

Милош О.

Стихи / О. Милош; пер. с фр. А. Давыдова. — М.: Неолит, 2024. — 72 с.

ISBN 978-5-

Первая книга стихотворений выдающегося французского поэта Оскара Милоша (1877–1939) в переводе на русский язык. Милош был не только поэтом, но и прозаиком, драматургом, философом. Его творчество удостоено многочисленных восторженных отзывов современников (О. Уайльд, Ж.-П. Сартр, его родственник Чеслав Милош и др.), но, к сожалению, в России он почти неизвестен. Это тем более несправедливо, что О. Милош, причастный многим культурным традициям, родился подданным Российской империи и оставался им большую часть жизни. Надеемся, что это издание привлечет внимание читателя к творчеству этого большого и своеобразного писателя и мыслителя.

УДК
ББК

ISBN

© ???

Оскар Милош родился в Белоруссии подданным Российской империи в семье польско-литовского аристократа. Мать его была еврейкой, а бабушка по отцу — итальянкой. Он учился во Франции, где прожил большую часть жизни, но, в основном как литовский дипломат. Стал французским поэтом. Во Франции он именуется Оскар Венцеслав де Любич-Милош, в Литве — Оскарас Милашюс.

При таком смешении кровей и культур, проблема самоидентификации была для Милоша одной из важнейших. «Во Франции он литовец, в Литве — француз», — писала исследовательница его творчества. При его жизни это была формула отчуждения, потом — признания. Да, действительно, во Франции он сейчас признан: выходили многотомные собрания его сочинений, существует Общество друзей О. Милоша. Но его популярность у читателей все же несоразмерна восторженным отзывам о его поэзии известных писателей и литературоведов.

Г. Башляр его назвал «великим поэтом», Ф. де Миомандр «одним из величайших французских поэтов всех времен», А. Лебуа «одним из величайших лириков всех времен». Ж. Кассу опубликовал книгу «Три поэта. Рильке. Милош. Мачадо», поставив его в ряд с крупнейшими поэтами века. Можно и еще множить эти свидетельства высочайшего пиетета в отношении Милоша. Его поклонники любят вспоминать высказывание О. Уальда, назвавшего Милоша не поэтом, а самой «поэзией». Высоко ценил творчество Оскара и его родственник нобелиат Чеслав Милош, с ним сдружившийся в Париже; переводил его стихи на английский и польский.

И все-таки, во французской литературе он присутствует в качестве «недооцененного гения». С чем же связана эта недооценка? С его иноземным происхождением? Но в пору его жизни французская культура была довольно радушна к иноземцам. Из поэтов

в ней вполне освоились и поляк Аполлинер, и румын Тзара, и грек Мореас, и уругваец Сюпервьель. Скорей, тут причина в духовном и жизненном эскапизме Милоша, что даже странно для дипломата. О нем было сказано: «Чужеземец не во Франции, а в мире».

Разумеется, французская поэзия оказала на него влияние, в первую очередь, Бодлер и Малларме. Но, по мнению многих современников, Милош так и остался «декадентом» (его первая книга, вышедшая в 1899, называлась «Le Poème des Décadences»), не был подхвачен мощным течением французского авангарда. То есть в 1920-е — 1930-е годы его поэтика уже могла выглядеть архаичной. Притом, что направление его духовного поиска сходно с исканиями Макса Жакоба, которого считали своим и сюрреалисты, и дадаисты. Однако отличие от него, Милош чурался литературной среды, был всегда в стороне от литературных групп и сообществ.

После того, как в 1914 году Милош пережил духовное «озарение», в его поэзии явственно зазвучали отголоски каббалы, средневековой христианской мистики (он был верующим католиком), сочинений Бёме и Сведенборга. Видимо, поэтому он и остался глух к наиболее броским литературным явлениям современной ему эпохи.

Литва, как и Франция, отнюдь не сразу проявила внимание к творчеству Оскараса Милошюса, притом, что родство с этой землей он всегда остро чувствовал. Выпустил в своей обработке сборник литовского фольклора на французском языке, даже называл себя «литовским поэтом, пишущим по-французски». Известно признание Сартра, что он познавал Литву, читая Милоша. Многолетнее «игнорирование» в Литве Милоша, эмигранта, дипломата «буржуазной Литвы», конечно, связано с политикой. В последние десятилетия интерес к нему растет и в Литве, и в Беларуси. Однако истинная оценка наследия этого поэта, прозаика, драматурга, философа, созидавшего на стыке многих культур и традиций, для них еще впереди.

В России же, увы, этот наш соотечественник, можно сказать, вовсе неизвестен: опубликовано всего несколько переводов его стихотворений в журналах и антологиях и одна пьеса. Хочется верить, что и у нас его когда-нибудь ждет «признание».

О, РАДОСТЬ...

О, радость: я сокрыт от завтрашнего дня, —
В чащобе множество черничников найдется.
Твой оклик сходен с тем, как плещется луна
И лета отзвуки в заброшенном колодце.

Расстаньтесь с именем моим вы там, во сне,
Уже произошло свершение наших сроков.
Ты — деревце в своих уборов белизне,
Страдающее от переизбытка соков.

Пускай укроет нас двоих терновый куст.
Страшусь возврата я, когда твои колени
В цветах утонут и когда от наших чувств,
От чувств пронзительных поблекнут наши тени.

Лесной воде меня ты называть не смей,
Мое прозвание погребено в минувшем.
Твои глаза под цвет пролившихся дождей,
Дождей, пролившихся над прудиком уснувшим.

И кладбищу мое ты имя не раскрой,
Ведь могут унести меня ветра погоста.
Твой локон весь пропах и летом, и землей.
Нам надо просто жить, существовать нам просто...

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Мне сладко будет с ним встречать рассвет.
От страсти кляцает его скелет.

Я из пустых глазниц его слижу
Живую морось, как его слезу.

О, радость, когда юная луна
Сквозь ребра костяка его видна.

Он мудро принимает свой удел
Навек, навек остаться не у дел.

Как радостно лишиться всех оков,
От всех, от всех избавиться врагов.

Оставим бардам их минорный лад.
С ним будет всяк повеселиться рад.

Прочь улица, улитки и цветы,
Приди, Лаура, диво красоты!

Он мудро принимает свой удел
Навек, навек остаться не у дел.

Он и подруг, и Господа лишён,
А я хочу всего, что хочет он.

Там — видишь? — конь гарцует вороной.
Эй всадник, поздоровайся со мной!

Гляди, как резво конь его бежит.
Наездник, видно, жизнью дорожит!

Он мудро принимает свой удел
Навек, навек остаться не у дел.

Клик-клак
танцкласс
кавардак
перепляс
так и сяк
кость о кость
как? где?
клик-клак
в темноте

В руки-ноги забит гвоздь.

Шальная страсть, ты слышала мой глас?
Скажи-ка, за ночь сколько, сколько раз?

Ты мое имя, сын, ответь же мне,
Напишешь на замшелом валуне?

А Сганарелю всё хи-хи, ха-ха,
Мол, все посулы ваши чепуха.

Он мудро принимает свой удел
Навек, навек остаться не у дел.

НОЯБРЬСКАЯ СИМФОНИЯ

Всё будет ровно так, как в этой жизни. Та же комната.
— О, да, дитя мое, всё то же самое. И на рассвете птица
Времен гнездится в кроне бледной как покойник.
Уже проснулись слуги: мы слышим переключку ведер

Там, у фонтана. Как ужасна юность с опустошенным сердцем!
Все будет ровно так, как в этой жизни. Те же
Глухие звуки пригородов зябких
И зов стекольщика с его задорной песней.

Старуха горбатая в засаленной шапчонке
Перечисляет вслух названия рыб.
И грузчик, поплевав в свою натруженную руку,
Выкрикивает вдруг невесть какую дичь, как Ангел Смерти.

Всё будет ровно так, как в этой жизни. Тот же стол,
И Библия, и Гёте, и чернила с их ароматом времени,
Бумага, женщина читающая мысли,
Перо, портрет. Дитя, мое дитя!

Всё будет ровно так, как в этой жизни. Тот же сад,
Просторный и тенистый, весь заросший. В полдень
Там соберутся люди, счастливые, что воссоединились,
Хотя и незнакомы, друг о друге зная только

Что надо всем одеться, как на праздник,
И погрузиться в ночь пропавших безвести,
Лишенными и света, и любви.
Всё будет ровно так, как в этой жизни. Аллея та же,

И на ее изгибе (осенним днем), где к ней нисходит
Изящная тропа, застенчиво как женщина,

Решившая собрать целебные цветки, — поверь, дитя мое! —
С тобой мы встретимся, как повстречались прежде;

Ты позабыла в чем тогда была одета
Но я-то помню все счастливые моменты, но только их.
Ты будешь в бледно-фиолетовой одежде, о, дивная печаль!
И в шляпке с горестно поникшими цветами.

Названья их вовек я не узнаю,
Мне ведомо одно лишь — Незабудка, цветок убогий, сирота
Среди цветов, который любит поиграться в прятки,
Да, сердце чуткое, всё, всё, как в этой жизни!

И будет тенистая тропа, вся влажная
От эха водопадов. Мы с тобою вспомним
И город на воде, и равви
Из Бахараха, и ночи флорентийские.

И будет ветхая стена, что плесенью пропахла
От влаги прежних ливней, хворые
Растения осыплют спорами
Немой поток.

Черничный привкус губ твоих совсем негадан.
Твой серебристый смех разбился и погас,
И фиолетовой вечерни вялый ладан
Все ширится теперь в лагунах твоих глаз.

Назавтра я опять в златом жужжанье шершней
Произнесу твои любимые слова,
А нынче ты позволь тебя считать умершей,
Признания шептать, как будто ты мертва.

Как никнут лилии под окриком осенним,
Так прежние слова ломает голос мой.
В тебя моя душа глядится с удивленьем,
Увидев прошлое в тебе ее самой.

Там, где встречались мы, как раньше, как бывало,
Печальным смехом ты покой мою мечту.
Продрогшая луна — мечта моя устала,
Но аромат ночной ей дарит чистоту.

Ты в память о былом, о нашей страсти зыбкой
И вольной, как цветок, когда вернусь назад,
При свете прошлого приветливой улыбкой
Встречай нечаянный поблекший мой возврат.

Печать плоха: как в пасмурном тумане,
Надежно я укрыт Сьерра-Мореной.
Мой друг Камачо, с грустью неизменной,
В размытом сюртуке из обезьяны.

Нас только трое: ляжка Санчо мне
Из сумрака явилась неспеша
Эстремадуры в самой глубине,
Чье эхо — осажденная душа.

В струящемся на землю лунном свете,
В свеченье фантастической луны
Пылинки пляшут, радости полны,
У Мариторнес, в ее нищей клетки.

Унылая скала скрывает спину
(Поэтому тут, право, ни к чему)
Карденьо, фантазеру одному:
Он помечтать улегся под осину.

А Дон-Кихот копьём уперся длинным
В скопление туч — так небеса близки.
О, сколько он веселья и тоски
Принес навеки замершим лощинам!

Уже светает, вьюги пелена,
И снова Грусть, она всегда иная.
Хлебнем стаканчик старого вина!
Дохнем на свечку, пламя задувая.

Любите вы столь привычный запах весеннего дождика?
 Этот месяц пропах пылью старинных томов.
 Слегка поскучать в тени ветром просквоженных ветел,
 А потом во сне позабыть, и что было, и что впереди...

Клокочет вода, слышны вдалеке рыдания и смех,
поникли цветы.
 Белоснежная лошадь в охотку объедает побеги.
 Дон Жуан ищет в торбе бутылку вина,
 Отощавший сеньор с золочеными шпорами.

Муха забавно раскачивается на травинке.
 Чудачки-любовницы навек уже сгнули,
 А друзья чуть ни все удавились.
 Смолкли в душе наивные александрийцы.

Мы отважно сделали шаг, отделивший
 Возвышенную красоту от нежно-печальной нелепицы.
 Всё упорхнуло, решительно всё! О моя верная
 Бутылка вина, отчего же напиток лишился
прежнего вкуса?

— И вот, несмотря на запустенье пейзажа
 (Даже ласточки еще не вернулись),
 Дон Жуан лицом уткнулся в ладони.
 — Этот месяц пропах пылью старинных томов.

Вот нежный скрип проворного берлина...
 Рыдает мрак весельем прежних дней.
 «Пойду-ка гляну кто там у дверей».
 «Я рад приветствовать милорда Сплина».

Взвились, взвились коньки бывшего вдруг,
 И вечер, вечер — с окнами забвенья.
 «Ту диву, что овацией не рук,
 А душ встречали, видели вы в Сьене?»

Всё льют и льют дожди воспоминанья,
 По кровлям позабытого звеня.
 «Благодарю за милое посланье.
 Ну, а Ноэль припомнит ли меня?»

Болит, болит душа, о, вечер-дед,
 Навек, навек загих петух-пройдоха.
 «Goddemn, во тьме осенней всем нам плохо.
 От Годвина и Перси вам привет».

И мрак бывшего нежен, словно пьяный,
 Сидящий за бутылочкой мерло.
 «Увы, забыл я броситься в жерло
 Везувия, уснувшего вулкана».

КАРЕТА, ОСТАНОВИВШАЯСЯ В НОЧИ

Мы ждем ключей.
— Конечно, он их ищет,
Перебирая гардероб усопшей Феклы: тридцать лет
Ее уже на свете нет.
Прислушайтесь, Мадам, к привычному глухому шепотку
Ночной аллеи...
Малышка хилая, укутавши в свое пальто, вас пронесу сквозь
одичавший сад,
Заросший ежевикой и крапивой, до замка нашего
Угрюмых врат.
Вот точно так же встарь вернулся из Верчелли
Мой прародитель
С покойницей.
Недружелюбно траурное зданье
К моей малышке!
До вас дошли, Мадам, о нем печальные преданья.
Они покоятся в чужих краях.
Уже столетье порознь.
Им предназначенное место ждет
В холма заветной сердцевине.
Со мной закончится их род,
О вы, Мадам, кто унаследовал руины!
Войдем мы в спальнку моего детства,
Чудесную, где сверхъестественная глубина затишья
Звучит ворчаньем сумрачных портретов.
Там прежде в темноте ночной,
Как будто приглушенное броней,
Сквозь цокот оттепели за стеной
Мне слышалось биенье их сердец.
Какая дикая страна для моего пугливого дитяти!
Погас фонарь и спряталась луна.
Сова зовет птенцов в соседней роще.
Вы в ожидании ключей,

Мое печальное дитя,
Усните на груди моей,
Увидев, как прекрасен лес
С тревожной переключкою ветвей
В июньскую бессонницу украшенный цветами,
Как дочь любимая безумной королевы.
Закутайтесь в мое худое пальтецо.
Вам снегопад, дитя мое, запорошил лицо.
В дремоту клонит вас.
(Задорная игра
Снежинок в зыбком свете фонаря;
В такой же перепляс
В моих ребячьих снах, — так, так, Мадам! — пускалась древняя
старуха).

Дитя мое, не слышу я ни звука.
Теперь он не таков как прежде был,
Возможно, о ключах и вовсе позабыл.
Небось, пошел хлебнуть вина.
Усадьба мрачная, дитя, я знаю, вам страшна!
Мы с вами в самой глубине Литвы.
Ни звука, тишина.
Угрюмый черный дом.
Замок заржавленный.
Вьюнок засохший.
Глухие ставни.
Наш парк в столетних залежах листвы.
Все слуги прежние мертвы.
С трудом припоминаю о былом.
Дитя наивное, вам страшен черный дом!
Я помню лишь оранжерею,
Прапредка своего и ловкий фокус:
Детеньши совы клевали корм с моей руки.
Луна мерцала сквозь жасминовые лепестки.
Ах, как давно все это было.
А вот и шарканье в ночи.
Нам Витольд наконец принес ключи.

МОСТ

Парит по воздуху увядшая листва.
Что с нежным островом ты, осень, сотворила?
Он весь пожух,
В тоске, иссякли силы!

Гудят колокола на Сен-Луи-на-Иле,
Ведь шкиперова фуксия мертва.
Две дряхлых лошади с понурой головой
Последний раз купаются в реке,
И старый жирный пес все лает вдалеке.

Дитя родное, на мосту пустынном двое нас;
Ты в скромном платице, печальных пара глаз,
С букетиком в руке.
Дитя мое! Приходит час!
Дитя мое! Для них! Для нас!
Приходит час!

ГРУЗОВИК

Дух, просвещенный сакральными числами,
Мысль, едва ощутимая плотью, давай же,
Давай, сей древний, глухой и студеной отзвук жизни,
Холодного сердца земли, восходи, поднимайся ко мне.

Первый утренний грузовик, первый утренний грузовик
Скрывается за углом, и кашель старого
Мусорщика, сына скудной зари,
Послужил мне ключом в едва занявшийся день.

Нас двое с тобой, моя жизнь. Вновь стоим друг перед другом.
Проснувшись, я спрашиваю у своих рук, болезненно
запорошенных рассветом,
О том, что мне больше не хочется видеть.
Сирена кличет вдали, ревет и ревет на реке.

Опустись на колени, сиротская жизнь, притворившись,
Что молишься, пока я считаю снова и снова,
Те цветы, у которых в садах нет ни сестер,
Ни братьев, понурые, грязные, мокнущие под дождем,

Какие в предместьях оживляют стены ветхих домов.
Позже, в трагический полдень, ты отложишь
пустопорожнюю книгу,
и я узрею

Баржи у берегов, бочки, наполненные углем,
И снующих матросов в их форменной затрапезе.

Что делать? Бежать? Но куда? И ради чего,
Коли радость всего лишь погожий денек в державе изгнания?
Солнце равнодушно к моей тени; она будто слово,
Что, попав на бумагу, теряет свой смысл;

Вот почему, о, столь долгая жизнь, моя душа всегда
уязвленна,
Когда этот младенец-найденш, братец,
только занявшийся день,
Глядит на меня сквозь полуоткрытые шторы;
когда в городской сердцевине
Разносятся грустные, грустные, грустные шаги
изгнанной женщины.

Вот и ты, наконец, друг моего детства! Слышу сперва
Знакомое, внятное ржанье! Негромкий, святой для меня
Зов первой утренней лошади, омытой дождем. Потом —
бодрый шаг
моего брата
С инструментами на плече и хлебом под мышкой,

Это он! Именно он! Он уже встал! И неизбежный долг,
Взяв за мозолистую руку, его направляет встреч
новому дню. Мои же
Дни подобны стихам, позабытым в шкафах,
Что пахнут могилой; разрывается сердце,

Когда на тесном столе, где бдят онемевшие странствия
Прежних дней, подобно странствиям Одиссея
Пометившие все острова древних чернильных архипелагов,
Меж Библией и «Фаустом» поместился утренний хлеб.

Его не стану делить с земною супругой.
Знаешь ведь ты, жизнь моя, как я упорно отыскивал
Матерь сердца! Тень, которую представлял
Маленькой и слабосильной, с дивными святыми руками,

Ласково низошедшими на дремлющий хлеб
В запечатленное мгновение детства, зарею
Благословленное; с узкими плечами, поникшими
Сиротливо, как у страдающего ребенка, с коленями,

Целомудренно облеченными платьем.
Чтобы в пульсациях ее горла и щек за едой
Виделась пронзительная невинность,
Благодарность и ранящая чистота.

О, жизнь! О, незнаемая любовь! Эту глину
Размешали, вымесили, раскатали
До состоянья текстиля, где боль упокоилась в шраме.
С меня уже хватит, с меня уже хватит, с меня уже хватит!

ЛАЛИ

Парк, хворый от луны, был как душа просторен
И в полуночной тьме был дивным, как тоска...

(Уж сколько лет минуло, сколько лет!)

А в парке хвором от луны тогда царила
Лали, чья жизнь сродни успению цветка.
Парк в полуночной тьме был дивным, как тоска.

(Уж сколько лет минуло, сколько лет!)

«Лали!» — твердили мне студены ветра.

Она была предмет их думы и печали.

(Уж сколько лет минуло, сколько лет!)

«Спокойно спи, Лали», — ей небеса шептали,

Когда прошла для роз цветения пора.

Лали — название моей печали.

(Уж сколько лет минуло, сколько лет!)

В ту пору мне твои напоминали очи

Лагуны перед тем, как наступает мгла.

(Уж сколько лет минуло, сколько лет!)

А пурпур твоих губ — безвольные крыла
Погибшей бабочки, принцесса лунной ночи.

Ласкал их поцелуй, как теплой ночи мгла.

(Уж сколько лет минуло, сколько лет!)

Пускай не ангельской была велчины,

Но более цветка, ушедшая любовь.

(Уж сколько лет минуло, сколько лет!)

И память о тех днях, об их тоске и счастье

Исходит сладостью весенней страсти.

О как ты далека теперь моя любовь!

(Уж сколько лет минуло, сколько лет!)

Густыми хлопьями на гроб моей любви
С небес торжественно нисходит снег забвенья.

(Уж сколько лет минуло, сколько лет!)

Спокойной ночи, спи, прекрасная Лали.

Увяли розы, пожелтели парки,

В покойный смертный сон любовь погружена.

(О как же далеки те времена!)

ТАНЕЦ ОБЕЗЬЯНКИ

Слегка дурашливый мотив наигрывает ящик.
Средь мелкой мороси под заунывный хрип шарманки
Бодрей скачи, скачи, скачи смешная обезьянка!
Изящен маленький зверек и гнусен злой шарманщик.

Игривый гладкий хвостик элегантно изогни,
Придавши ему форму вопросительного знака,
Облезлая, печальная, потешная макака.
С ней сходны для моей любви потерянные дни.
Еще мелодия, еще! Вблизи смердит ларек
Табачным духом; всюду вонь обшарпанных лавчонок.
И развлеченье местных недокормленных девчонок,
И ностальгии верный зов потрепанный зверек!

А вот уж зазвучал прощальный вальс однообразный,
Плачь по разбойникам лихим, низринутым во прах.
В нем тлеет память о любви, кокосах и морях...
Осенний дождик моросит, пузырясь в луже грязной.

ТАЛИФА КУМИ*

Я уже знаю тебя почти десять лет на этой земле,
плавающей средь
загишья;
Дитя рока, именно твой бледный образ всегда мне является
первым
В ясности моих пробуждений на закате ночи,
Когда, следуя духом за Космосом в его беззвучном полете,
Вдруг чувствую, как Вселенная устремляется вглубь меня:
ее будто всасывает пустота моих дней.
Я тогда себя чувствую пламенеющей лодкой на реке
летней ночью.
Ключ солнца у меня под рукой, отпирающий все Реалии,
что мерцают в тумане существованья.
И уж точно, скажи только слово, и в той обители истины,
где у меня был вышколенный слуга,
Они б мне явились в совсем иной форме, разнящейся
от твоей, камешек, подобранный здесь на память.
Но разве я не любил тебя смиренной любовью
в эту горсточку своих дней?
Я скоро уйду, о, половина сердца, половина сердца,
оброненная
В грязь, холод, дождь, в городскую ночь!
О моя питомица, кому угрожает зима,
Послушай меня! Распахни в себе то, о чем пока что
не ведаешь,
И постарайся, что б ни стряслось, постарайся сберечь
в своей мизерной памяти
Этот совет человека, возросшего вместе с крапивой
в долгое знойное горькое лето:
Трудись!

---

* «Девица, встань» (Ев. Марка 5.41).

Не искушай грозного властителя жизни, божество,
Неудержимо несущееся мирскими путями, идола
    в повозке со шлифовальными дисками вместо колес.
Трудись же, дитя, поскольку обречена, слабосильная,
    на долгую жизнь;
Мне б не хотелось бежать с этих гнусных галер,
Унося жалкий образ того, кем ты станешь однажды:
Ребенок вдруг превратится в маленькую старушку,
С горчащею сединой, прикрытой шалью, неважно
    в каком прогорклом и мрачном предместье
На речном берегу с котомкой ужаса на спине,
Сестрица влажных камней и высоченных облетевших
    деревьев.
Вот от чего меня ты избавь. Я ведь буду в грозной отлучке,
    бодрствуя вечно
В одном из двух Царств, не знаю точно, в котором,
Но опасаясь, что в сумрачном, ибо нечто во мне пылает
    низовым подсудным огнем.
Предупреждаю тебя, жалкий воробышек, ты останешься
    наедине с этой отчаянной жизнью:
Так туманной блеклой зарей на пустынной Сене сигналият
Заплутавшимся огоньки, зеленый и красный.
Уж не ведаю, кто убил мое сердце; но не умер ли он,
    лукавый,
Завещав моей плоти целиком всю траурное величие
    своего сострадания? Дитя!
Это невыразимая боль. Человек, страдающий от напастей
    ночных,
Страдай же, всеведущий и немой, на тверди основы основ,
    заплесневевшей от сумрака.
Я подлинно знаю, что Он, Тот, чье тайное имя
    Отлученный-от-Себя-Самого,
Страдает в наших глубинах; как и то, что, когда
Пройдет наконец ночь этой жизни без цветов, без зеркал
    и без арф, песня
Мстителя, сопровождавшая каждый рассвет моего детства,

Расколется в нас, как огромный кристалл наступившего утра
Под плеск птичьих крыльев в росистой долине.
Да, я в этом уверен. Но нищенский образ твоего бытия
    в будущем одиночестве
Снести не могу. Это мой постоянный ужас.
Некий жучок томится в самой отчаянной моей глубине,
    погребенный
Под пеплом моего сердца.

ПОРТОВАЯ ТАВЕРНА

— Так давайте же хмельного,
Братцы, выпьем еще раз.
Кубки пусть наполнит снова
Самый молодой из нас —

Дон Матео де Гамбоа!

Мы опять винца хлебнем,
Светлого, как лист опавший.
Мелансия завтра днем
Будет нам милей чем павший

Дон Матео де Гамбоа.

Нам судьба грозит могилой,
И Антиллы лишь мечта.
Ты не сможешь никогда
Со своей обняться милой,

Дон Матео де Гамбоа.

Стоит солнцу утром встать,
День придет, сулящий горе.
Ты почувешь ли, что вскоре
Тебе висельником стать,

Дон Матео де Гамбоа?

Призовешь молитвой робкой
Стойкость боль перенести
Или ж милость обрести
Мужество перед веревкой,

Дон Матео де Гамбоа?

Будешь ли, тряхнув кудрями,
Море спрашивать «за что?»
Или возрыдаешь в храме,
Или это... или то,

Дон Матео де Гамбоа?

Бедный, одинокий рыцарь
Всё, закончена игра!
А тебе под стол валиться
Разве не пришла пора,

Дон Матео де Гамбоа?

Так что накануне пытки
Ты разумно поступи
И навек в хмельном напитке
Страсть пустую утопи,

Дон Матео де Гамбоа.

Папа римский, паладин,
Император и палач
Гибнет как простолюдин
От любовных неудач.

Дон Матео де Гамбоа.

— Так давайте же хмельного,
Братцы, выпьем еще раз.
Кубки пусть наполнит снова
Самый молодой из нас —

Дон Матео де Гамбоа!

НИХУМИМ*

Сорок лет.
О своей жизни я мало что ведал, она ведь так и не просияла
В глазах ребенка, порожденного мною.
И все ж я проник в тайну собственной плоти. О, моя плоть!
И ликованье, и глухая тоска
Одиночества гнездятся в тебе, дух земли, брат скалы
и крапивы.

Как ветер необходим колосьям и облакам,
Как свет — ливням и пчелам,
Сорок лет, сорок лет, моя плоть, ты раздувала
Из своего тайника богоданный огонь Перемен,
Соответствующих непокою вселенной.
Пускай твое тщетное, странное имя звучит
В крике спящего и растворится в ночи,
С твоей матерью-почвой ничто не способно тебя разлучить,
С другом ветром, с тобою повенчанным светом.
Моя плоть, пока две разлученных, заплутавших души
Будут друг друга искать в дымке утренних водопадов,
Пока двенадцатый полуденный зов не иссякнет, возрадовав
Голодного человека и зверя алкающего;
Пока иволга, хозяйка тайных криниц, не вскинет свою
Головку понурую, чтобы разразиться хвалою Лесному Царю;
Пока кустик черничный не покроется ягодами,
что способны дышать
Воздухом этого мира, орошенные солнечной влагой,
О летучая пыль, о, моя плоть, ты пребудешь, дабы любить
и страдать.

Сорок лет,
Чтобы научиться ценить благородство Деянья. О Деянье!

* Нихумим — утешение (иврит).

Сорок лет, сорок лет я страдал от тщеславия одинокой
души,

В молитвах смерть призывал.
Теперь тщеславия нет. О триумф! — о провал!..
Я ему подарил свою молодость,
Жестокую младость, единственную из женщин,
Что я в жизни любил. Ну и пусть! Мои руки уже потянулись
к камням,

Мои руки с набухшими венами, жажда творенья
Вами уже овладела!
Когда рында на обед позовет силачей,
Мы пойдем поприветствовать созидателей мола.
На солнцепеке, лицом обратившись к морю,
Они с расстановкой едят свой благородный нищенский хлеб
И мудрый их взор прозорливее моего.
Честь тебе, блаженство тебе, в рыданиях рожденному,
где будто слышится

Слово Аминь, и кто умрет позабытый у подножия храма
Любви или замка гордыни, творения твоих собственных
рук!

Скоро, уже завтра, мой брат, решусь я с тобой говорить
Лицом к лицу, не краснея, как друг,
Я тоже, я тоже займусь возведением жилища
Надежного и уютного, как женщина среди цветущего сада
Восседающая в окружение потомства.
Я распахну окна радостной церкви,
Такие просторные, где ангелами — солнце и ветер.
Я там благословлю хлеб Утверждения,
Того вечного «да», что напитано ароматом
Огня, пшеницы, воды в устах просветленных;
Когда же уродство провозгласит свое «нет»!
Когда смерть и женщина разом воскликнут «нет!»
Брат, мы с тобой отдадим поклон пространству,
опьяненному жизнью,

И слово, нам поведенное Героями,
Это всеобщее Да слетит с наших уст.

Сорок лет,
Чтобы научиться говорить без презренья о женщине.
О, Любовь!

Сорок лет я искал тебя среди женщин,
Но вовсе не среди них отыскал.
О, Женщина! Состраданье к камням мною овладевает!
Мать! Мать моя! Ты больше не знаешь, ты не знаешь еще,
кто ты есть.

Ты, бледная, утопающая в цветах, так долго
Почивала во тьме кромешной,
в сердцевине затишья дивного
одичавшего сада!

И вот теперь ты проснулась в наше время уродства
глумливого
Среди своих сыновей, которые бога лишились,
а природу не обрели.

О, Мать! О, Мать! С ее изящно поникшим плечом, словно его
обременяет кувшин свежей воды,
И мне знакомым ароматом служанки, проснувшейся
до зари.

О, женщина, сколько знаний и мудрости таится ладонях
твоих!

Но я их не мог созерцать, пока оттуда не выпорхнет голубь!
Твоя священная белизна способна лебедя приманить!
Когда твой супруг опочит, ты уйдешь вслед за ним,
ты умрешь,

Но не от телесной тоски, а от восторженного
Ликованья ума!
Чтобы ты поняла к тебе обращенное слово, о, Мать,
мне нужно

сделаться снова ребенком.
Ибо что ты сумеешь понять в этом изменчивом мире,
О прекрасная, серьезная, чистая хранительница очага?
О, Мать! Источники Перемен пребывают в укроном
и сумрачном месте,
Чье названье — Долина Разъединения.

Там миры и сердца друг друга тщетно взыскуют.
Единственное, что нам важно — это длительность
Разъединения
И расстоянье меж разъединенным.
Кто плохо ищет, тот нигде ничего не находит.
Кто ищет внимательно, здесь ничего не обрящет;
Кто обретается здесь, в другом месте упрется в закрытую
дверь.

Ибо это страна, где каждый из нас одинок,
Предстоящий себе самому:
Сам себя любит,
Сам с собою венчается,
Творит сам себя,
Сам себя восхваляет.
И это место названо теми,
Кто сходен с тобой, Местом Объединения,
Вечной Женственности
И Жизни.

Сорок лет.
Чтобы научиться отыскивать Город. О Иерусалим!
Ты не пустыня из глыб, связанных известью, песком и водой,
Как человеческие города.
Ты пребываешь в сердцевине Реальности, в затишье ума,
Немое мерцанье потаенного клада.
Моя жизнь, моя жизнь! Я знаю, что шесть дней мирозданья
Необходимы, дабы познать
День седьмой, превышающий всякое воображенье.
Ибо в разрыве тучи-хранительницы,
(Это было на Патмосе, вселенской местности,
Созерцаемой взглядом, полным любви),
Мне ураган обнажил эллипс Субботы;
Он вспыхнул, позолотив мое рожденье безмолвное.
О мой брат, о, мое тело, не бойся! Я знаю дорогу.
Давай же ступим в обильные испаренья Горы,
Что вздымается выше и выше

Вместе с тем, кто отважился на восхождение,
К пространному облаку, к материнскому цветку, голубоватой
Белизне, Благовещению золота.
Кажется, что рассвет уже позади нас!
Солнце
Встает надо мною
И потом убегает в страны, которые у меня за спиной.
А закат далеко впереди!
Теперь басовитый, жуткий и сладкий рокот
Мудрых пчел нашего края
Тебя учит забытому языку (с грузными трепещущими
  слогами, подобными гречишному меду)
Канувших книг Яшера*.

---

* Книга Яшера упоминается в еврейской Библии. Септуагинта переводит, как «Книга праведных».

ПОД ЗВУКИ МУЗЫКИ...

Как будто на Луне болот журчанье
Звук музыки умильный и несмелый.
Дитя, твои подобны сливе спелой
Уста.
Под трепетные сладкие звучанья
Ленивым зверем дремлет Маета
В тени глухой стены заплесневелой.

Охрипшей арфы слушая напевы,
Арфистка, расцветающая дева,
Склонил я голову от вечной скуки.
За окна приняли тупые мухи
Твои, дитя, просторные глазницы.
Мне, девочка, твой голос золотой
Напоминал: то, что могло случиться,
Останется мечтой...

Милы твои звериные глаза,
Дитя июня, спящая царевна!
Удел быть и не быть одновременно
Любой душе перенести нельзя.
Пока песком созвучья утекали,
Я задремал от мира вдалеке.
А на столе допитые бокалы.

— Тону в твоего голоса реке...

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЬ

Из дальних странствий возвращается весна.
Ушла из сердца маята.
Прекрасное лицо, раскрой глаза и голова очнись же
ото сна!
Гора, как остров в окруженье облаков, себе вернула
свежие цвета.
О молодость! О, ветхий дом, поросший ломоносом!
О время легкомысленной осы!
Шальная девственница лета
Уже поет в жаре на все лады.
Везде согласие, изящество и мир.
О как, любимая, прекрасен этот мир!
Вот облако из края тьмы плывет легко и горделиво.
Благая тишь сошла на золото полудня.
Во сне склонила голову крапива
С короной Иудейской королевы.
Ты слышишь отдаленный звук дождя?
А вот и он... уже пришла вода.
Империя любви пропахла ароматом водных лилий.
И юная пчела,
Дочь солнца,
Летит разведать тайны сада.
Я слышу: блеет стадо,
Как эхо, откликаясь пастуху.
О как, любимая, прекрасен этот мир!
На звук волынки мы идем в забытые места,
Где в облака тени, у самой башни
Богульник навевает сон; как совершенна красота
Ягненка цвета солнечного дня.
Нас нежностью укромный холм манит.
Склонись ко мне, любовь, исполнившись доверья.
Я ивы расчешу ее дремучий волос.
Откроется нам дивный вид.

Пьяны от запахов, цветов склонился, дерево дрожит.
Уже и колос
Восстал безмолвно, будто в сновиденье.
Красив и город в мареве времен,
Чей каждый бастион
Был как невеста выглядывающая жениха вдали.
Всевластная любовь, о моя старшая сестрица,
Бежим туда, куда нас кличет притаившаяся птица.
Приди ко мне, суровая душа,
Приди ко мне любимое лицо!
И ветер с детскими щеками
Вздывает облако жасминных лепестков.
Голубка с дивными ногами
Идет к фонтану свежих вод напиться.
О чем она курлычет? Где она?
В проснувшейся душе ль моей гнездится?
Но песнь ее звучит издалека...
О как, любимая, прекрасен этот мир!
Иди за мной! Известен мне предел сиротства.
Владычицы руин я слышу зов.
Гляди-ка: волосы ее из ветра и цветов
Из верхнего окна струятся по гнилому водостоку.
Гуденье слышу полосатого шмеля.
И слышу, как звенят былые девственные дни.
Для нас пришла пора, шальная голова,
Себя украсить ягодой, укрывшейся в тени.
Вот иволга поет в аллее самой тайной,
Омытая росой сиротства.
О дивный скорбный лик, о нежное лицо,
Ночник июля
В тюльпанном дереве мерцает.
Когда тебя я созерцаю,
Моя душа купается в слезах.
Приди, моя любовь! Приди июль!
И ночь моя приди!
Из сердца моего устроили дожди

Для перелетных птиц поилку.
Гляжу, как на твоём виске ритмично бьется
Жилка,
Она моя прирученная змейка,
Вкушавшая весь год и хлеб, и белый мёд.
В твоих глазах и таинство ночей,
И обаянье вод.
Такая же в них чуется угроза.
Переменилась ли твоя душа?
Смеешься голову склонив и выгнув шею.
Теперь подобна ты
Домашней дивной, дивной лебедице
С плечом укрытым складкою воды.
О как, любимая, прекрасен этот мир!
Чуть вскинешь голову, и сквозь твои ресницы
Исходит раздвоенный луч, как будто свет струится
Из глубины листвы.
Теперь в твоей душе читать сумею,
Тебя коснуться, как своей мечты...
— Послушай! Рот прикрыв руками лубяными,
Нас кличет эхо. Лес в свою невинность облачен.
Приди! Ты с братьями и сестрами моими
Сведешь знакомство,
Тебя представлю я и лозам гор и пальмам юга:
«Знакомьтесь, вот моя сестра, моя подруга,
Любовь одетая в игривые цвета.
Она ввела меня в пространство детства.
Когда был погружен я с головой в науки
мутный омут,
Любовь отверзла дверь моей гробницы».
О как, любимая, прекрасен этот мир!
Подруга моей мысли, мне скажи
Ты ль чуду помогла свершиться?
Ты разбуди меня, мой сон развеи.
Конечно же я сплю!
Как жизнь прекрасна без раскаянья и лжи!

Из почвы появляются ростки,
Как нам прощенье от усопших.
О странница — моя любовь, о светлый день!
Не торопись, останься тут,
Под нашей кровлей обретешь уют.
Усни под нежное шуршание аллеи.
Тебя накормим хлебом, молоком и мёдом.
Не торопись, еще у нас побудь.
Тебя ведь утомил твой долгий путь.
Так в нашем доме погости,
Избавясь от превратностей пути.
Секретный есть покой в приюте нашем,
Где тени от листвы сквозят в окно,
Которое отворено
В наш сад, где влага, одиночество и мир.
Внимает... медлит...
О как, любимая, прекрасен этот мир!

ПУТЕШЕСТВИЕ

Фанни, моя тоска с небесным цветом слез.
Давайте, мертвые, отправимся в Когда-то...
Покоем прежних солнц вселенная объята.
Смятение твоих растрепанных волос.

Мой хрупкий друг, твои глаза, как лен в цвету!
Возница-весельчак толпу холмов торопких
Задорно гонит вспять, и в дуновеньях робких
Жослена лепестки трепещут на ветру.

Далече озеро подобное цветку.
О, вечно, вечно длись блаженная дорога!
Еще в твоих глазах не завелась тревога,
И от жары знобит дорожную тоску.

Укачивает нас кареты нежный скрип.
Мы мчимся в дикий край бандитов и развалин.
Унылое дитя, я вижу, как печален
Твой взгляд задумчивый, а в легких слышу хрип...

Нам памятный мотив указывает путь.
Былое кажется осиротевшей чашей,
Где тихо шелестят мелодией дрожащей
Иные времена, которых не вернуть...

ЧТО НУЖНО НАМ?

Что нужно нам? Хозяин кабачка,
Откормленный, приветливый, проворный, —
Металлом пуговиц пиджак украшен черный;
Душа, что так бездонно глубока;

Долина, как со старого эстампа,
И путники, озябшие с утра,
Ньюстедские амуры в свете лампы
И «Манфреда» поющие ветра.

И со столов упорно, без пощады,
(Чтоб жизнь начать нам с чистого листа)
Стирать бывшие имена и даты —
Вот в чем она, заветная нужда.

Но высшая — хозяин кабачка.
И велика нужда в отмытых спальнях,
И в паутине сумерек печальных,
В душе, что так бездонно глубока.

СЕНТЯБРЬСКАЯ СИМФОНИЯ

I

Приветствую всех, кто идет мне навстречу
В эхе моих же шагов, из глубины студеного,
темного коридора времен.

Добро пожаловать, уединенность, мать моя!
Когда радость резвилась в моей тени, когда птицы смея

Отражались в ночных зеркалах, когда цветы,
Злые цветы юношеского томленья, любовь заглушали,
Когда ревность, поникнувши головой, себя созерцала
в бокале,
Уединенность, я размышлял о тебе, о тебе думал,
покинутый.

Ты кормила меня простым черным хлебом, молоком,
диким медом;
Я, подобно воробушку, с наслажденьем это вкушал
из твоей руки.

Ибо не было у меня, о Кормилица, матери и отца.
Безумье и холод бесцельно бродили по дому.

Порой ты являлась мне в образе женщины,
В дивной, хотя и обманчивой ясности сновиденья.
Твоё платье

Было цвета пшеницы; и в моем потерянном сердце,
Немом, настоженном, холодном, как булыжник дороги,

Дивная нежность мне является и теперь
Когда женщину вижу в столь же убогом наряде,
Скорбную и всепрощающую; первая ласточка
Вейся, вейся над ухоженными полями в лазури
моего детства.

Я знал, что тебе не нравилось там, где ты пребывала,
И что, вдалеке от меня, ты уже не была моим чудным
сиротством.

Скала, облеченная временем, обезумевший остров,
затерянный в море —
Вот радушные обиталища; и я знаю немало гробниц,
чьи врата украшены ржавчиной и цветами.

Но твой дом не может быть там, где небо и море
Почивают на дальних фиалках, как возлюбленные.
Нет, твой подлинный дом вовсе не за холмами.
Итак, ты помнишь о моем сердце.
Поскольку именно там родилась,

Там начертала свое детское имя на стенах.
И, как вдова своего земного супруга,
Ты возвращаешься с привкусом соли и ветра
на побледневших щеках
И с волосами хранящими прежний запах
рождественского мороза.

Чувствую, как из угля, в чем тонет могила
Моего сердца с его таинственным ритмом,
Истекает запах моих детских полудней. Я не забыл
Сад, полный чудес, где Эхо, твое второе дитя,
меня окликало, уединенность.

Я узнал бы местечко, где прежде дремал
У твоих ног. И не там ли еще, порывами шевеля
Траву уныло-изящных руин и шерстку пчелы,
Ветра не дают застояться в благодатной жаре
медвяному духу?

Когда б от трепещущей гордой вербы ты отстранила
Сиротскую шевелюру, лик воды

Мне явился бы так прозрачен и чист, как чиста и прозрачна
Мне видится Дальняя в дивной утренней грезе!

Ветхий парник, изукрашенный радугой,
Наверняка до сих пор сберегает и крошечный кактус,
и большую смоковницу,
Уроженцев страны бесконечного счастья; и гибнущий
гелиотроп,
Чей аромат навевает послеполуденный морок!

О страна детства! О сумрачное владение предков!
Дивная сонная липа, облюбованная деловитыми пчелам,
Так же счастлива ты, как и прежде? А ты, перезвон
золотистых цветов,
Зачаруй же тень от холмов в честь помолвки

Спящей царевны из ветхого тома,
Что так сладко листать, когда луч предзакатный
Освещает чердачную пыль, а вокруг — тишина,
Даже замерли пауциные прялки. — О, сердце!

Печальное сердце! Пастух, одетый в сермягу,
Дудит в свой рожок. А в саду
Пугливый дятел забивает гроб своей же
Любви, лягушка молится в беззвучных камышах.
О печальное сердце!

Хворый шиповник у подножья холма, увижу ль я тебя
снова?
Знаешь ли ты, что твой лепесток, где смеялась роса,
подобен
Моему детскому сердцу, слезами обремененному?
О, мой друг,
Иные шипы, чем твои, нанесли ему рану!

И ты, о мудрый фонтан, со спокойным и вдумчивым оком,
Где укрывались от звенящего зноя
Чуть безмолвия и прохлады, оставшиеся на земле!
Теперь не столь чистой водой омыто мое лицо.

Но вечером с моей детской кровати, пропахшей цветами,
я вижу
Луну, безумно расцветенную последними днями лета; она
Мерцает сквозь горечь виноградной лозы; и в ночи ароматов
Мне чудится тьяканье псов Меланхолии!

Потом пришла Осень со скрипом осей, переключкой
топоров
и колодцев. День торопливый
Словно бег белобрюхого зайца по первому снегу,
Немым удивленьем поражал наше грустное сердце. —
Всё, всё, как бывает,
Когда нету любви, еще не родившейся.

II

Уединенность, мать моя, поведай мне вновь мою жизнь!
Вот стена без распятия, стол и книга захлопнутая!
Коль невозможное, что так мучительно медлило,
Теперь постучится в окно, как испуганная малиновка,

Кто придет, чтобы пустить его внутрь? Призыв
Охотника, увязшего в топких болотах,
Последний зов юности, гаснет и затихает: упадок
Вселяет ужас в онемевшее сердце чащобы.

О чем ты, сердце, печалишься? О спальне ль,
Где, облокотясь на закрытую книгу, блудный сын

Слушает звон откормленной синей мухи своего детства?
Иль о зеркале, способном запоминать? О гробнице ль,
потревоженной вором?

Дивные, радостные корабли, с грузом ангельской манны,
Уносимые вздохами вечера, как облака
Позлащенные, правда ль, что вы все разлюбили меня,
и что больше ни разу
Мне вас не узреть сквозь кристалл

Детства? Что ваши краски и звуки, как и моя любовь,
Всё это вместе не больше, чем промельк осы
На ветру, чем звук слезы, упadaющей на гробницу,
Всё только миф, звук сердца, отдавшийся в сновиденье?

Я одинок пред немymi ледниками преклонных годов!
Наедине
С лишь отзвуком имени! Страхи дневной и ночной,
Как два брата, помирившиеся в беде,
На мостике сна приветственно машут и машут друг другу!

Как на угрюмом озерном дне покоится белый камень,
Когда-то оброненный жестокосердным пригожим ребенком,
Так же покоится в сердце отчаявшемся,
Завязшая в дремлющем иле воспоминаний,
любовь полновесная.

НЕОКОНЧЕННАЯ СИМФОНИЯ

I

Мы с тобой были почти незнакомы там,
под карающим солнцем,
Что повенчано с плотью людской, а не с душами,
В том краю, где уснувших сердца
Блуждают во мраке и страхе, не ведая цели.

Это было очень давно — слушай, любовь моя горькая в том,
прежнем мире —
И далеко-далеко — слушай внимательно, сестра моя здесь,
На родимом Севере, где от исполинских кувшинок озер
Исходит былой аромат — легендарных плодовых садов,
ушедших на дно,

Вдалеке от наших архипелагов руин, арф и лиан,
Вдалеке от наших радостных гор.
— Был фонарь и в тумане перестук топоров,
Я это помню.

И я был одинешенек в тебе неведомом доме,
Где прошло мое детство, сумрачном и тишайшем,
В глубине заросшего парка, где озябшая птица
По утрам воспевала стародавних покойников,
омывшись в мутной росе.

Именно там, в этих просторных покоях
с подслеповатыми окнами
Жил наш родоначальник;
Туда мой отец, вернувшись из дальних странствий,
Пришел умирать.

Я был тогда одинок; запомнил,
Что это было в сезон, когда ветер нашего края,
Напитанный запахом волка, болотной травы и
гниющего льна,
Поет древние песни похитительницы детей
в полночных руинах.

II

Последний вечер настал, принесший озноб,
Бессонницу, ужас. И я позабыл твое имя.
Сторож, наверняка, пошел исповедаться,
Ведь не маячил фонарь на его верхотуре.

Умерли все наши прежние слуги,
А их дети разъехались кто куда; я был чужим
В покосившемся доме,
Где прошло мое детство.

Тишина тут подобна зерну из гробницы;
Тебе, конечно, знаком
Этот мягкий подшерсток безмолвья, о, сестра погребенных
Цвета спелой, над Мемфисом нависшей луны.

Я долго скитался по свету с собственным братом
Неугомонным; я томился бессонницей
Во всех гостиницах мира. Теперь я вернулся домой
С головою уже побелевшей, как облако. И никого не застал.

Эхо шагов и мышинный цокот мне были бы в радость,
Ибо то, что изгладывало мое сердце, трудилось беззвучно.
Я был как ночник на мансарде ранней зарей,
Как фото блудницы в альбоме.

Сгнули все друзья и родные. А ты, сестра моя,
пребывала подальше
Ореола, чем себя коронует мать снегов
В прозрачности января. Ты меня едва знала.
На твой зов я откликнулся всем своим сердцем.

Но мы повстречались один только раз,
В странном свете парадных светильников
Средь полночных цветов и позлащенных вельмож.
Я прощаюсь лишь с твоим отражением в зеркале.

Одиночество меня окликнуло эхом
В сумрачной галерее. Там находился ребенок
С фонарем и ключом
От гробницы. Уличный холод

Пахнул мне в лицо прелым запахом.
Я решил, что за мной увязалась моя плаксивая юность;
Но под лампой, с моим Гиперионом на коленях
Сидела старость, склонивши голову.

III

Слушай внимательно, сестра моя. Я пребывал в голубой
Спальне своего детства.
Здесь я родился.
Именно здесь

Мне как-то привиделась наяву моя первая елка,
Рождественская — древесина, что обернулась ангелом —
Явившаяся из глухого и горького леса,
Явившаяся озаренной из дремучей чащобы,

Из студеного леса, где брела в одиночестве,
Царица заледеневших болот с их блуждающими огоньками,

Принесшими покаянье; дивной местности,
  тихой и белоснежной:
И вот уже перед ней золотистые окна обители
  умного мальчика.

Давние, очень давние времена! прекрасные, чистые!
  та же комната,
Но замерзшая навсегда, немая, поблекшая.
Казалось, ею навек позабыты
Пламя камина и шорох сверчка былых вечеров.

Не осталось ни родных, ни друзей, ни прислуги.
Только старость, лампа и тишина.
Старость убаюкивала мое сердце, как безумная
  умершего ребенка.
Тишина меня разлюбила. Лампа погасла.

Но пригнетенный Горой темноты,
Я чувствовал, что Любовь, как потаенное солнце,
Восходит над старинными весями памяти, и что я улетаю
Далеко-далеко, как бывало в моих сонных видениях.

IV

«Настал третий день». — Я вздрогнул, ибо голос
Звучал из самого сердца. То был глас моей жизни.
«Настал третий день». — Я уже пробудился порою
Первой молитвы. Но бодрость еще не пришла.

Я размышлял о местах, где обязан вновь побывать;
Меня призывал дивный архипелаг со Срединным атолллом,
Исполненный той чистоты и свободы, что я потерял
Заодно с коралловым склепом своей юности.

Она ныне дремлет у подножья циклопа из лавы.
А предо мной, на холме виднелась водонапорная башня
Вся в лианах Эдема и в бархате тленья
На ступенях, истертых луною, а справа,

На дивной поляне среди рощи —
Руины, позлащенные солнцем! Там был установлен
  секретный досмотр,
И я был допущен бродить по той Фиваиде
С онемевшей любовью под пологом мрака. Мне ведомо,

Где черней ежевика, где выше трава,
Где разбитая статуя, подруга моя,
Схоронила свой лик; и все ящерицы давно уже знают,
Что я — вестник мира, который беззвучен:

Он облечен моей тенью. Здесь я общий любимец,
Поскольку все видели, как я страдаю.
  «Наступил третий день.
Вставай же, я твоя спящая из Мемфиса,
Твоя смерть в стране смерти, твоя жизнь в стране жизни.

Самая мудрая и насущная»...

УТЕШИТЕЛЬ

К Вам обращая мысль, о, возраст увяданья,
Эпоха сладостных фантазий о былом,
Благой сентябрь души, постигнутое знанье,
Готовый отпустить мои грехи фантом,
О мой ближайший друг, о время увяданья,

Всегда мне чудится, что некто мне подобный,
Которого готов я слушать бесконца,
О бытии моем ведет рассказ подробный.
В легендах этого галантного льстеца —
Единственный герой, душе моей подобный,

Чье имя утаю в его звучанье странном.
Оно как солнца луч, проникший в саркофаг,
Как крылья ангела в их плеске ураганном,
Как безмятежный пруд, что лотосом пропах.
Оно в моей душе звучит мотивом странным.

Какую весть несет тот голос отдаленный?
Что повествует мне мой неизменный льстец?
Правдив ли мой портрет, тобой запечатленный?
Тот голос слишком чист для сумрачных сердец.
Что он внушает мне, твой шепот отдаленный?

Но слышит ли меня мой чаровник небрежный,
Что сказку о любви нашептывает мне?
Ответом послужил твой смех настолько нежный,
Что чудится расцвет кувшинок по весне.
Не слышит он меня мой чаровник небрежный.

Он все твердит, и рой созвучий окрыленных,
Свершающих вокруг души моей полёт,
Готовится присесть на листьях опаленных

Души, чтобы слизать там уцелевший мёд.
Теперь я сам — полет созвучий окрыленных,

Пока мой чаровник несет о прошлом знанье,
Легенды о былом мне повествует он,
Там слышатся давно забытые признанья,
Чтоб сердце пробудить унылое времён.
Такое чаровник мне преподносит знанье.

Душа моей души пьянит рассказом ложным
О дивном лете, о мифической весне
В сказаньях о моем Эдеме невозможном,
В преданьях о моей неведомой родне.
Когда ж не верю я его преданьям ложным,

То слышу: «Ты отринь напрасные сомненья!
Неужто скудный мир прекраснее Мечты,
Моей фантазии изящного творенья,
Явленья до поры таимой Красоты?
Советую: отринь напрасные сомненья!

С любовью созерцай чреду увалов дальних,
Напоминающих обломки кораблей.
Ты горечь заслони своих минут печальных
И неурядицы лихой судьбы твоей
Изящным контуром чреды увалов дальних.

А та, в ком с нежностью соседствует величье,
К груди прижмет тебя, когда наступит срок.
Премудрости ее исполнено обличье,
Легко дыхание, как на заре парок,
Струющийся из уст, о мудрое величье!

Кто больше посулит мгновений достоверных,
Твой голод утолит какое же зерно?
Ты возлюби сердец биений сокровенных

Непостоянный ритм, и память, как вино,
Исполнит дух толпой фигур недостоверных.

А некогда гостей при рукотворном свете
Ты не спрашивал хотят ли есть и пить.
Ты рвал мои виски сжимавшие соцветья,
Смеясь, ты их в вине старался утопить.
Нас солнце тайное теперь лишило света.

Сейчас пришла пора достойного молчанья,
Цветам уже не скрыть былых пиров плоды.
Мой стародавний раб, из рук существования
Вино и хлеб, мой брат, теперь получишь ты,
Чтоб мне преподнести в торжественном молчанье,

Поскольку ты узнал свое предназначенье:
Не власть и не любовь, не славу обрести,
А только лишь судьбу изведать упоенье
Держа чеканный шаг не сбившихся с пути,
Пускай не ведая о пункте назначенья.

Так никому ж вовек мы не раскроем душу,
Чтоб братьев и сестер своих не искушать.
Ты зарекись: покой их впредь я не нарушу,
Стремясь их внятный мир с мистическим смешать.
И никому вовек мы не раскроем душу».

Покуда грудь моя волной вздымалась мирной,
Припав к ней головой, он наконец затих.
Был так же невесом, как ветерок эфирный
Целующий цветы, росу сбивая с них.
Он спит, как небеса на водной глади мирной.

ВСЕ ОТ МУТНОГО ДОЖДЯ ПЬЯНЫ...

Все от мутного дождя пьяны
Мертвецы погоста Лафотена.
Цокает капель там неизменно,
Как часы погоста Лафотена.

Возле ям, оставшихся с весны —
Воронье, наевшееся тлена.
Легкий ветер навевает сны
Сладкие усопшим Лофотена.

Вряд ли я увижу те места,
Но во мне пребудет сокровенно
К ним любовь, а также и беда
Странного погоста Лафотена.

Позабытые, лежат смиренно
Мертвецы погоста Лафотена.
— «Лафотен!» в душе звучит, маня.
Спящие, вы слышите меня?

— Скучен и печален твой рассказ,
Под винцо признаюсь откровенно.
Байкой ты б развлек меня сейчас,
Хватит о погосте Лафотена.

Медленно, как в очаге полено,
Тлеют безнадежные слова:
— Мертвецы погоста Лафотена,
Больше вас моя душа мертва...

К ЛЮБВИ

Прекрасное лицо мне видится сквозь горе,
Но слабой памяти его не удержать.
Любовь — легчайший бриз, что возвращает вспять
Летящих лебедей, обратно гонит в море.

Твоей был взыскан я пораненной душою,
Ты, что ушла меня покинув навсегда.
У всех есть в памяти туманная мечта,
Кто знал кочевницу, знакомую с волшбою.

А мне всего родней в тебе твоя Печаль.
Ясны твои глаза — ясна морская даль,
Горька твоя слеза — горьки морские воды.

Лишь пристальный зрачок в пространстве небосвода
Заметит, тающий среди морских пустынь,
Надежды парус, уходящий в синь.

КАРОМАМА*

Мои помыслы о тебе, Каромама, владычица стародавних
времен,
Болезненное дитя, чьи ноги так длинны, и так немощны
руки,

Каромама, уроженица Фив,
Которая в тени тамарисков питалась белой пшеницей,
А красную пшеницу пила, как то подобает жрицам.
Маленькая владычица Каромама, из той эпохи,
что много веков, как ушла.

Мои помыслы о тебе, владычица Каромама,
Чье позабытое имя в моих устах прозвучит, как стенанье,
Сквозь мои полусмех и полурыданье,
Потому что смешно и печально любить владычицу
Каромаму,
Обитавшую среди таинственных фресок
В своем разверстом дворце древнейшего стиля,
Маленькая владычица Каромама.
Что делала ты в свои затерянные рассветы, Дама Каромама?
К какому божку со звериной головой доводилось тебе
Простирать свои тощие неуклюжие руки в мольбе
Пока утренняя река нежно искрилась?
О, Каромама с глазами усталыми, с ногами длинными,
стройными,
Искусно уложенными волосами, мертвая с изначала
времен...

Моя бедная, бедная владычица Каромама.
Чему свои дни посвящала ученая жрица?
Дразнила, конечно, своих прислужниц игривых,
Послушных, как змеи, но и таких же ленивых.

---

* Каромама Меритмут — древнеегипетская верховная жрица эпохи XXII династии. Возможно, дочь фараона Осоркона II. Известна ее бронзовая статуэтка в Лувре.

Перебирая свои украшения, мечтала о принцах,
Брагоуханных и скорбных, приплывших из-за границы,
Из-за дали морской — вековой границы,
Дабы возгласить: «Привет тебе, славная Каромама».
Каромама, ты в сумерках вечного лета воспевала
Под священным платаном цветок голубой
Спаленной луны; пела древнюю песню про покойников
нищих,

Что вкушали тайком запретную пищу,
Ощущая, как тяжело вздымаются твои девичьи
Смуглые груди, и душа твоя трепетала от страха
В сумерках вечного лета, разве не так, Каромама?
— Однажды (не миф ли ты, Каромама?)
Твое тело опоясали желтыми лентами,
Положили в уютный причудливый гроб из кедрового дерева.
Наступила пора тишины, оборвавшая лепестки
Твоего голоса, и писцы запечатлели имя твое на папирусах.
История грустная, давняя и затерянная,
Как в беспредельности полночных студеной вод...
О, моя легендарная Каромама, разумеется, ведаешь ты,
Что моя душа такая же древняя, как песня морей
И одинока, как сфинкс среди песчанной пустыни,
Моя душа, больная издавна и безысходно.
И тем более знаешь, всеведущая принцесса,
Какие оставила жизнь в моем сердце следы —
Символ чаемой радости и пришедшей беды.
Да, ты все это ведаешь, далекая Каромама,
Хотя и выглядишь, как дитя,
На творении скульптора, увековечившего тебя,
За тебе чужие века отполированном поцелуями.
Я слышу в ночи шепот твоей протяженной улыбки:
«Не смейся, мой брат, не делай ошибки».
— Мои помыслы о тебе, владычица Каромама.

ОДИНОЧЕСТВО

Под сенью пустоты очнулся ото сна
Я с грустью; злой вьюнок вылизывает стены
В пространстве, где царит безмерная тоска.
И — тишина.

Слепая мать — жизнь, ты ль в ад стремишь меня,
Где травы к памяти моей прикосновенны,
Где океан времен ласкает берега?
И — тишина.

Пусть эхо бездны вдруг раскатится, маня,
Пусть будет шалая мутить мою криницу,
Но все минувшее навеки удалится.
И — тишина.

Мой вечный властелин, к тебе стремится алоэ,
О, сердце пропастей, которые без дна.
У мертвых ног твоих, отец, ищу покоя!
И — тишина.

ПУСТОШИ

Как ты достиг меня, такой смиренный, такой печальный?
Я уже не могу понять.
Наверно, так же приходит дума о смерти об руку
с думой о жизни.
Но от моей испепеленной Литвы до адских ущелий Раммела
От Боу-стрит до Марэ и с детства до старости

Я люблю (как и людей, привычной любовью,
Вскормленной жалостью, гневом, сиротством)
эти забытые земли,
Где растет, тут слишком робко, там слишком бойко,
Словно бледные дети, лишённые солнца,

Городская трава, холодная, пыльная, упорная,
как навязчивая идея,
Будто занесенная кладбищенским ветром
В чёрный лоснящийся тюк, что служат подушками
Старухам, уютящимся по берегам в трагических сумерках.

Из всей моей юности, сожженной на юге,
Как и на севере, вот что сохранилось:
Моя больная душа, и теперь столь же ущербна, как трава,
Пробившаяся на стенах, которую забыли искоренить.

Я знаю секрет кедра ливанского! Это остаток
Дивного сада чистейшей любви. Я знаю, что священное
дерево
Давным-давно, в свое сладкое время, было посажено, дабы
Свидетельствовать, но канул зарок в безмолвную вечность.

Безымянные мужчина и женщина оба умерли,
их любовь умерла.
Кто ж помнит ее? Кто расскажет о ней? Может быть, ты,

Грустный, грустный настойчивый лепет дождя?
Иль ты, душа моя? Но ты скоро забудешь и это,
и все остальное.

А я еще помню место, где ветра, дожди и туманы заимели
свой храм.

Когда зима приходила в предместья и баржа
Блуждала в парижской дымке, мне так упоительно было,
Сен-Жюльен-ле-Повр, огибать

Твой садик! Тогда я себя бездумно
Растрчивал, но сердце земли уже меня окликало;
И я знал, что бьется оно не под ярким розарием,
А там, где взрастет крапива, сестра моя, злая и сиротливая.

Коль захочешь меня вдохновить — не сейчас!
далече отсюда! —
Ты, садик, лепечущий, брызжущий очнувшимися цветами,
Где горькое одиночество обретет свой образ и имя,
Где найдет себе пару,

Оставь у подножья замшелой стены, чьи трещины
Изображают городок Ариэль, овеванный целомудрием,
Для моей горькой любви мне родное местечко прохлады,
Плесени и тишины; когда Дева в лоне Туммима и Урима,

Взяв меня за руку, туда приведет, да вспомнят меня
унылые пустоши,
Узнают и поприветствуют чертополох, густая крапива
И белладонна, проклятие детства.
Они-то знают, они-то всё знают.

СТИХОТВОРЕНИЕ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Душа моя, звенящий оселок
Подобен крыльям птицы голубой.
Пусть твоя песня прозвучит мольбой
Жнеца, попавшего на солнцепёк.

Пускай бессмертной красотой своей
И мощью будет славится напев,
Подобный стону лиственных деревьев,
Любовной грёзе ласковых морей;

Лунатику, бредущему тропой
Ночною, когда каждому слышны
И шелесты отавы луговой,
И звоны колокольчиков луны.

Люблю напев, где эхо злых ватаг,
С опаскою, — так любят океан.
Июнь любви, как отблеск на щитах,
И каждый лик рассветом осиян.

Ты возвести конец эпохи той,
Где правят мертвые: уже вошло
Евангелие, как солнце над толпой,
Отметив знаком детское чело.

Душа моя, спознались мы с войною,
Когда под ветром развевался стяг,
Узрев цветенье траура весною
И пот на запыленных небесах.

Коль слева грусть, так справа ждет расплата;
Как будто ураган ярится глад.

В коронах без крестов мерцает ад,
На хлебе — кровь, когда на злате — золото.

Разбой, насилие в тени мостов
Нас ждут в своем явленье беззаконном.
Худые дети за стеклом оконным
Выглядывают канувших отцов.

Сирот замерзших щедрые сердца
Прильнут к сердцам, что вдовий креп скрывает.
У трупов преданных река смывает
Следы стыда и радости с лица.

Когда он возвратится, ты сама
Им напророчишь слякоть и покой,
Ведь их удел — смертельная зима.
Где ж их земля, чтоб хлеб посеять свой?

Они назавтра обретут палаты
Забвения под кровлей тишины,
А нам, живым, за что же всем расплата,
Прав не иметь, что мертвецам даны?

Когда добудет он из глуби сна
Все шорохи, разбередивши дёрн,
Соблазнов семи тысяч имена
Извергнет сразу его звонкий горн.

Он пригвоздит к жене измены труп,
К обманному сочувствию — двуличье.
И разорвет вся ярость его клича
Последнего Суда двенадцать труб.

Нисходит к морю сад, убогий сад, сад без цветов,
Ослепший сад. Старуха в траурной одежде, лоснящейся
И выцветшей, как память или фото, взирает со скамьи
На уплывающие корабли эпох. В великой пустоте крапива,

Растрепанная, черная от жажды, очнулась в два часа.
Щебечет птаха из другого мира в кустарнике испепеленном,
Как в самой сердцевине дней
Горчайших. Жутко затишье без любви! И я,

Я тоже здесь, пускай, как тень; на тяжко стелящейся
по земле,

Жаре, она склонила мнимость головы
Своей на лоно света; но
Я телом, и душой подобен гавани

Привычной к расставаниям. И что ж внутри меня
Трепещет, дрожит, поигрывает, как швартовы,
Стремящихся на волю
Морских судов? О, мать моя, о, вечность

Премудрая, ты подари мне этот день!
Не называй меня ты больше Лемюэлем:
Меня в тени, рожденной солнцем, тайно кличут
Своим напевом острова ушедшей юности!

Басовый нежный рокот погребальный
Полуденной осы почти касается вина; безумье
В зрачках росы на холмиках, любимых мною,
Тенистых. И во тьме благоговейной ежевика

Удерживает сон в своих девических кудрях. В тени желтеет
Вода и тяжело дышит под низким небом цвета незабудки.

Оно страдает тоже, отдаленный владыка мира, древом
Пораненный; из раны истекает

Та влага чистая, что утоляет душу.
И птица кристальная возносит свое сладкое «чирик»
На ветхом дремлющем жасминовом кусте моего детства.
Туда войду я осторожно приподнимая радугу.

Направлюсь прямо к дереву, где в дымке
Отчизны ждет меня извечная супруга.
Вдруг в сполохах времен
Мне явятся архипелаги и донесется плеск галер.
Покой, покой. Его тут больше нет. Все кануло, о, сын мой
Лемюэль.

Те голоса, которые ты слышишь, теперь не отзвуки
предметов.

К тебе взывает из сада на пригорке
Давно и тайно живущая в тебе! Из царства
Иного солнца! Таков он мудрый год

Сороковой, о, Лемюэль.
Дурное и растянутое время.
Тепла поблекшая вода.
Спаленный сад.

ПРЕЖНИЙ ДЕНЬ

Волит бесцельный прежний день, чтоб все-таки мы жили,
Чтоб ветер и дожди нам приносили непокой.
Не лучше ль задремать ему в потемках, как в могиле?
Зачем он часу каждому грозит своей клюкой?

Едва мерцает свет в моем бытийном лазарете, —
Он, белоснежный, возведен из памятных мне вех.
Грустя, что и счастливому несладко жить на свете,
Пустое небо на озябших птиц роняет снег.

Свет не буди: подруга нам вечерняя пора,
Которая всегда приходит с вестью о былом.
Заставишь ты ее покинуть сумеречный дом —
Растреплют серый плащ ее нахальные ветра.

Возможен здесь, внизу, покой от вечной маяты
Лишь на старинном тихом кладбище, когда
Гордыня больше не заявит: «нет», а слабость: «да».
Не будут там тебя манить напрасные мечты.

У моря безучастного, на самой кромке суши,
Те, кто стремится отыскать былые времена,
Отыщут под крестом свои потерянные души.
К ловцам своих ушедших дней да будет ночь нежна.

Сейчас плесни вина в камин, дверь затвори плотнее.
Покинутые мной, во мне ваш образ не угас.
Погибла музыка, когда я распрощался с нею,
Так затянулся час!

Подруга прежняя, ты стань вещицею изящной,
Будь просто украшением теперь моей судьбы.

Неуловима ты, как дым, летящий из трубы.
Пребудь же ты своим лицом светла, как день удачный,

И на колени мне покорно голову склони,
О заплутавшем в море корабле поведай мне.
Не позабудь сказать, что холодны его огни,
И расскажи про палубу, открытую зиме.

Ты мне напомни о друзьях, о тех, чья ночь темна.
Давно покоятся они в глухих гробах своих.
Бездвижна и нема их отдаленная страна.
Вернись они, о, как же, как мы полюбили б их!

Невзрачный неприметный кабачок, вблизи река.
Страшась безмолвья душ своих, поет там каждый день
Хор сирых стариков, а на пороге кабачка
Хлеб и вино своим крестом благословляет тень.

БАЛЛАДА

Жабы и колдуньи, бешеные птицы
— Под плакучей ивой.
Кожей в бородавках жабе ль не гордится?
Слышишь ли, сестрица, звук рожка призывный?

Гадкие амуры гибнут от проказы.
Кашель тощих женщин, падких на проказы.

Грифы с оком шалым — встрепанные птицы,
На скале прибрежной стая их гнездится.

Колокол усталый и дождей хлебнувший
Хрипло отбивает час давно минувший.

Крест на своей кровле уступил воронам
Монастырь привычный к службам извращенным.

А всего коварней темные лощины,
Что распространяют запах мертвечины.

Душегубы дружбы с хохотом неслышным,
Тополей аллеи с их шальным загишем.

И убогий рыцарь с помертвевшей кожей.
На него взглянувши, крестится прохожий.

Стоит окунуться в глаз его колодцы,
Полуночным звоном сердце отзовется.

Словно к Эльсинору подлетают сипы —
Вот на что похожи флейты его хрипы.

С ним ужи, под солнцем греясь на руинах,
Спорят об Артуре из легенд старинных.

А в суме дорожной прятал он енота,
Тот зверек похитил душу Ланселота.

В его снах унылых — ветхие строенья,
Висельникам сгнившим он внушал почтенье.

Длинные лодыжки предвещали драму:
Чуть ни погубили Его Мыслей Даму.

Знать, его вассалу, впрок пошла учеба:
Он монахов жирных доводил до гроба.

А его гнедая влажная кобыла
На луну ночами часто ржет уныло.

Со змеей уснувшей его сходна вена.
Многие считали, что он пэр Пуллейна,

И когда шагает он промозглым бором,
Скинуть свои шляпки должно мухоморам.

Его ждали девы у пустых колодцев.
Полон край горбатых маленьких уродцев.

Шелестеньем листьев разносились слухи
О владыке мерзком королевства Скуки.

У него, с девизом: «Полюбить смогу ли?»,
Страсти будто змеи на зиму уснули.

Если он осушит винных чаш тринадцать
— Под плакучей ивой —
Может день грядущий с прошлым обвенчаться.
Слышишь ли, сестрица, звук рожка призывный?

СОДЕРЖАНИЕ

О, радость...	7
Пляска смерти.	8
Ноябрьская симфония	10
Возвращение.	12
Старые гравюры.	13
«Любите вы столь привычный запах весеннего дождика?...».	14
Нежный скрип.	15
Карета, остановившаяся в ночи	16
Мост.	18
Грузовик	19
Лали.	22
Танец обезьянки	24
Талифа куми.	25
Портовая таверна.	28
Нихумим	30
Под звуки музыки...	35
Весенняя песнь	36
Путешествие.	40
Что нужно нам?	41
Сентябрьская симфония	42
Неоконченная симфония	47
Утешитель	52
Все от мутного дождя пьяны...	55
К любви.	56
Каромама	57
Одиночество.	59
Пустоши	60
Стихотворение завтрашнего дня	62
Н.	64
Прежний день	66
Баллада	68

